

Е.А. Сафонова

Томский государственный педагогический университет

Мотив пути в ранней лирике Николая Оцупа

Аннотация: В данной статье рассматривается мотив пути в ранней лирике поэта первой волны русской эмиграции Николая Оцупа. Проанализированы стихотворения, входящие в первые сборники поэта «Град» (1921) и «В дыму» (1926), а также поэма «Встреча» (1928), в которых мотив пути реализуется через мотивную парадигму: «дорога – поиск жизненного пути». Лирическим лейтмотивом раннего творчества поэта становится духовный путь к Богу, дорога через преграды и дым к Свету.

The paper considers the motif of a way in the early lyrics of the poet of the first wave of the Russian emigration Nikolay Otsup. Analysis is performed of the poems entering into the first collections of the poet: «Hail» (1921) and «In a smoke» (1926), as well as the poem «Meeting» (1928) in which the motive of a way is realized through a motif paradigm: «the road – search for a course of life». The spiritual way to God, a road through barriers and smoke to Light, becomes the lyrical keynote of the poet's early poems.

Ключевые слова: литература русского Зарубежья, лирика Н. Оцупа, мотив пути, лейтмотив.

Russian language literature abroad, N. Otsup's lyrics, motif of a way, keynote.

УДК: 82 – 1 (17.82.10)

Контактная информация: Томск, Карла Ильмера, 15/1. ТГПУ, историко-филологический факультет. Тел. (3822) 621747. E-mail: Safonova_k@mail.ru.

До настоящего времени мотив пути в лирике Н. Оцупа не становился предметом самостоятельного исследования. Работы об Оцупе носят обзорный характер, однако можно выделить общую тенденцию: критики пишут о духовном пути, пройденном Оцупом в двадцатые годы [Можайская, 1965, с. 57–64], о дороге поэта через преграды и дым к Свету, то есть к Смыслу, к Нему [Аллен, 1993, с. 18]. В связи с этим представляется важным подробно проанализировать мотив пути в ранней лирике Николая Оцупа, по сути, являющегося лейтмотивом первых книг поэта: сборника «Град» (1921), «В дыму» (1926) и поэмы «Встреча» (1928).

В книге «Град» представлены топосы Царского Села и Петербурга, в которых прошли детство и юность поэта. В сборнике «В дыму» описан эмигрантский период жизни в Берлине и Париже. В подзаголовках поэмы «Встреча» помещены названия географических пунктов – Царское Село и Италия, кроме того, поэма имеет помету «Берлин-Рим». Отсылки к городам, в которых жил Оцуп, даны не только для биографических сведений, прежде всего они связаны с различными этапами духовной эволюции автора.

В первом сборнике в русле развития мотива пути центральным становится образ телеги жизни («Теплое сердце брата укусили свинцовые осы», цикл «В деревне»), заимствованный Оцупом из одноименного стихотворения А.С. Пушкина [Ратников, 1998, с. 54].

Образ телеги жизни раскрывается через сквозной мотив езды на лошади («Мне детство приснилось ленивым счастливецом» (1921), «Синий суп в звездном котле»). В качестве некой изначально заданной структурной матрицы этих стихотворений выступает фольклорный канон «ямщицкой песни». Лирический субъект, выступающий то в роли сторожа Екатерининского сада, то жуком-извозчиком, находясь на пороге жизни (у ворот, у дверей) отправляется в манящую небесную высь. Кони у Оцупа – это не просто стилизованное средство передвижения, но средство перемещения в иной мир, противоположный земному.

С одной стороны, летящие кони Оцупа напоминают Пегаса – древнегреческого крылатого коня, любимца поэтов. С другой, для описания коня автор использует просторечное слово с неодобрительной пренебрежительной окраской: клячонка.

«Погоняй, извозчик скорей...
Направо... у тех дверей!..
Дай-ка сдачи! Ну, же проснись!..»
Фонари у парадного стойла,
Но клячонка глянула ввысь
И хлебнула небесного пойла...
[Оцуп, 1993, с. 40].

Сниженную бытовую лексику Оцуп соединяет с высокой патетикой. К этому же приему он прибегает в стихотворении «В деревне», в котором крестьянская телега сравнивается с колесницей Феба (покровителя муз), а хозяин, рассуждающий о коровах – с римлянином в тунике. Так, в сравнениях Оцупа, указывающих на тождественность быта и бытия, сказался акмеистический подход, соединяющий быт и образы культуры.

Устремления лирического субъекта в небо связаны с творческим самоопределением и свободой, однако в отличие от символистов, считающих запредельное бытие безусловной ценностью, «небо» у Оцупа сопровождается негативно окрашенными эпитетами и сравнениями.

Я сам бы на розвальнях в небо поехал,
А ну-ка, зложим каурого мерина...
Ворота открыл, из пахучего меха
Посыпались звезды... Дорога потеряна
[Оцуп, 1993, с. 37].

В художественной системе Оцупа образными эквивалентами неба являются пустое необжитое пространство, синяя дыра моря, беспорядочное смешение звезд и бездорожье. В совокупности эти представления отражают драматически напряженный момент душевных блужданий начинающего поэта, находящегося в трудной ситуации выбора жизненных ориентиров.

Второй сборник Оцупа «В дыму» вышел уже в эмиграции. После смерти Блока и Гумилева Оцуп покидает страну. Композиционно книга делится на три части: стихотворения, написанные в Петербурге, в Берлине и Италии.

Ведущей антитезой второй книги является противопоставление жизни «там» / в России и «здесь» / в эмиграции. Начало сборника как будто окутано траурным шлейфом, родная земля сравнивается с могилой [Оцуп, 1993, с. 58]. В этих стихотворениях семантика «пути» связана со смертью. Ср.: «Накрывают одеялом, в небо медленно несут» [Там же, с. 48]; «Счет давно уже потерян. Всюду кровь и дальний путь» [Там же]. В данном случае эпитет «дальний» является синонимом «последнему пути».

По сравнению с первой книгой поэта употребление лексем со значением передвижения значительно возрастает. Приведем лишь несколько примеров: мотоциклет [Оцуп, 1993, с. 48], автомобиль [Там же, с. 50, 62], вагон [Там же, с. 56], пролетка [Там же, с. 57], автобус [Там же], телега [Там же, с. 65].

Образы кораблей и поездов являются опознавательным знаком не только поэзии Оцупа, они неизменно присутствуют в творчестве самых разных художников эмиграции, вынужденных покинуть родину. Ср.: А. Ладинский представляет «мир как палубу корабля в черном густом океане» [Поэзия русского Зарубежья, 2001, с. 416], он же признается: «Вдруг муза полюбила паровоз» [Там же, с. 419]. Корабли и поезда наполняют лирику Б. Поплавского и отсылают к французским поэтам и русским символистам, главным образом, к А. Рембо и А. Блоку. В целом, для Оцупа и других представителей молодого поколения русской эмиграции художественные образы поезда и парохода стали не только воплощением метафизической тоски и собственной человеческой судьбы, но и определенным эстетическим символом, интуитивно угаданным знаком, укрывающим суть их общей инановости [Матвеева, 2008, с. 18].

В сборнике «В дыму» автобус «сотрясает землю» [Оцуп, 1993, с. 57], разделяет мир на родину, оставшуюся в прошлом, и чужую землю. В стихотворении «Канаты черные ослабь» пароход плывет по Сене, однако его направление неизвестно.

Прощай! Прощай! До фонарей
Во всю длину реки
Отплытие от дальних дней
Провозгласят гудки. <...>
Куда же мы? Туда, туда,
Не замедляйте ход.
Хочу подталкивать года
И этот пароход
[Оцуп, 1993, с. 50].

Тот же вопрос «Куда мы?» звучал в стихотворении «В деревне». Несмотря на реальные пространственные передвижения лирического субъекта, стихотворение напоминает путешествие по волнам памяти, в котором лирический субъект пытается укрыться от недавнего прошлого.

В сборнике «Град» лирический субъект выступал борцом против природной и одновременно социально-политической стихии. В стихотворении «На дне» буря и кораблекрушение символизировали драматические отношения лирического субъекта с миром:

О, если здесь такая непогода,
Что ж на море, где ветер сам не свой?
Сирена тонущего парохода,
И стон дождя, и волн гортанный вой!
[Оцуп, 1993, с. 27].

В книге «В дыму» зафиксировано диаметрально противоположное состояние моря: «Где тот корабль? Волна бежит вослед. / Где ветер? Прошумел и вот затих» [Оцуп, 1993, с. 63]. Затишье природы не означает победы лирического субъекта над хаосом. Мотив безмолвия, напротив, олицетворяет смерть творческих сил автора. Это подчеркивается и в других произведениях, в которых жизнь лирического субъекта за границей ассоциируется с забвением, сном, зевотой или пошлостью и пьяным угаром.

Изменения в настроении лирического субъекта происходит в третьей части сборника, что объясняется появлением итальянской темы. Италия послужила для России мощным духовным импульсом, воздействуя на многих деятелей культуры и искусства. После путешествия в Италию лирический субъект становится мудрее, примиряется со своим имеющим глубокий смысл существованием. Если Берлин и Париж для Оцупа являлись «развязными» столицами, то Рим стал Землей Обетованной. До конца жизни Оцуп скитался между Францией и Италией.

Таким образом, в первой и второй частях книги «В дыму» мотив пути семантически связан с разлукой, смертью и бегством от тяжких воспоминаний. Третья часть посвящена духовному очищению лирического субъекта – пути, ведущего к познанию самого себя.

В поэме «Встреча» автор подводит итог определенному жизненному этапу. Несмотря на то, что многие критики отмечали художественную незавершенность поэмы, считаем, что произведение имеет продуманную целостную сюжетно-композиционную организацию. Главки соединены развитием лирической темы – восхождения души к Свету. Не случайно Оцуп называл период жизни до посещения Италией духовным нигилизмом [Аллен, 1993, с. 18].

В осмыслении личных коллизий Оцуп ищет архетипические проекции и находит их в Библии. Поэт не подверстывает свои чувства под библейский сюжет, но аналогия прослеживается: Исход («Царское Село») – Попытка жить в культуре («Проблески») – Ужасы реальности («Двадцатый год») – Искушения («Мираж») – Паломничество на Святую землю («Рим») – Прозрение («Встреча»).

Поэма содержит многоплановую систему историософских отсылок. В первой главе лирический субъект размышляет о предстоящей жизни: «о времени поспешном беге» [Оцуп, 1993, с. 78]. В сознании Оцупа Царское Село навеки связано с поэзией и культурой. Оцуп считал себя преемником Пушкина. В представлениях эмиграции 1920 – 30-х гг. Пушкин стал культовой фигурой, символом потерянной России.

Во второй главе «Проблески» Оцуп пересказывает известный античный сюжет «Энеиды» Вергилия. Впервые образ Энея, на долю которого выпали тяжкие испытания и долгие странствия, появляется в сборнике «В дыму» [Оцуп, 1993, с. 50]. Оцуп совмещает в одном пространстве разные временные пласты, заимствуя важнейший прием Мандельштама, в чьем творчестве водная стихия соединяет разделенные во времени и пространстве культуры, являет прообраз античных плаваний, а корабль цепью ассоциаций прикреплен ко многим ключевым образам [Куликова, 2012, с. 25].

Мотив странствий вбирает в себя литературные отголоски многих древних мифов. У Оцупа Илион погибает под грохот батарей [Оцуп, 1993, с. 84]. Примеряя на себя маску древнегреческого героя, поэт намекает на события личной жизни. Оцуп живет в «саду культуры» как в социально-исторической действительности: поэт бежит из погибающего Петербурга, как Эней бежит из Трои. Есть еще одно совпадение – Оцуп оставляет на родине свою жену, Эней покидает любимую Дидону.

Небольшая глава «Двадцатый год» воспроизводит историческую реальность. Не пренебрегая натуралистическими подробностями, лирический субъект, являющийся свидетелем кровавых событий, описывает ужас голодных пореволюционных лет.

Глава «Мираж» посвящена любовным отношениям лирического субъекта. В целом, они сопоставимы с любовным помрачением, посланным Энею Юноной, заставившим Энея на время позабыть об Италии. Не случайно автор вводит образ летящего колеса, являющегося в поэтике Оцупа (вслед за символистами, А. Белым) метафорой абсурдного существования.

Фонарь горит. Куда мы едем?
Не то козлом, не то медведем
Стоит короткая сосна,
В тяжелый снег облачена.
Над желто-синими снегами
И над санями небеса
Летят холодными кругами
Чудовищного колеса
[Оцуп, 1993, с. 86].

Через пространство пустыни, в которой оказывается лирический субъект, показаны «идея встречи с Богом» и «мотив духовных скитаний».

Глава «Италия» является кульминационной. Заочно влюбленный в эту страну, Оцуп жаждал прикоснуться к великой культуре античности, искусству Возрождения, истории. В конце поэмы душа лирического субъекта освобождается от тяжести: «То явилось пред глазами, к чему я, заблуждаясь, шел» [Оцуп, 1993, с. 90].

Заключительная глава «Встреча» посвящена вере в Бога. Израиль, о котором упоминает поэт, является иудейским государством и часто выступает в оппозиции к католическому Риму, однако для Оцуа, исповедующего православие [Оцуп Р., 2001, с. 9], не важна принадлежность к религиозной конфессии, поскольку «Бог един!» [Оцуп, 1993, с. 90].

Ключом к прочтению поэмы Оцуа, сознательно ориентированного на диалог с наследием мировой культуры, является отсылка к поэме Данте. Не случайно биография изгнанника Данте проецируется на жизнь эмигрантских поэтов. В первой главе есть описание падения державы: «И стонущие души в дыму и пламени скользят, как грешники кругами ада» [Там же, с. 81]. Лирический субъект прошел через ад, очистился от главного греха – сладострастия и, наконец, вступил в Рай – вечный город Рим, в котором происходит долгожданная встреча с Богом и с самим собой.

Таким образом, анализ мотива пути в раннем творчестве Николая Оцуа позволяет проследить, как меняется мировосприятие поэта от трагического отчаяния начала 1920-х годов – к просветленному и гармоничному мироощущению конца 20-х годов.

Мотив пути является важным для всех акмеистов. Однако путешествия поэта не похожи на экзотичные и необычные странствия Гумилева и других соратников по «Цеху поэтов». Петербург и Царское Село («Град») являются отправной точкой поэта. В дальнейшем пространственные скитания Оцуа («В дыму») проходят параллельно с скитаниями духовными («Встреча»). В целом, путь, пройденный лирическим субъектом, можно сравнить с путем паломника, открывшего Свет своей заблудшей души.

Литература

Аллен Л. «С душой и талантом»: Штрихи к портрету Николая Оцуа // Оцуп Н.А. Океан времени. СПб., 1994. С. 3–24.

Куликова Е.Ю. Динамические аспекты пространства в лирике акмеистов: лейтмотивная поэтика: Автореф. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2012.

Матвеева Ю.В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants / Ю.В. Матвеева. Екатеринбург, 2008.

Можайская О.Н. Биография души: Николай Оцуп «Жизнь и смерть» // Возрождение. М., 1965. 24 июня. № 161. С. 57–64.

Оцуп Н.А. Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания / Сост., вступ. Ст. Л. Аллена. Коммент. Р. Тименчик. СПб., Дюссельдорф, 1993.

Оцуп Р.Р. Оцупы – моя семья. Генеалогическое исследование. СПб., 2004.

Поэзия русского Зарубежья / Сост., предисл., коммент. О.И. Дарка. М., 2001.

Ратников К.В. Эволюция поэтического творчества Н.А. Оцуа: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998.